

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

© 1999 г., ЭО, № 4

С.Е. Рыбаков

НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИЯ

Недавние стремительные социальные изменения, которые в числе прочего привели к распаду Советского Союза, были в весьма значительной степени связаны с фактором национализма¹. При этом развитие этнополитической ситуации в Российской империи – СССР – СНГ, несмотря на наличие существенных особенностей, все же вполне вписывается во всемирно-исторический контекст (по Г. Айзексу): «Доминирующим фактором мирового политического ландшафта – постколониального, постимперского, постреволюционного, а в Соединенных Штатах еще и постиллюзионного – являются проблемы нации, национальности, национализма. Они оказывают воздействие на жизнь каждого человека... переформируют все сферы группового сознания в процессе происходящих... повсеместно крупных политических перемен»².

Национализм: о термине и подходе к исследованию

Невзирая на большое количество литературы о национализме, вряд ли этот сложный и неоднозначный феномен можно считать раскрытым достаточно полно и адекватно. По-видимому, действительно имеет место «сохраняющаяся неспособность понять историческую природу национализма и этничности во всей их сложности»³. В частности, в нашей стране уже давно сложилась традиция упрощенного и сугубо негативного употребления данного понятия, что, разумеется, объяснимо в условиях политического государства и связано с острым противоречием между этнонационалистической доктриной и принципом территориальной целостности. В итоге национализм чаще всего прямо отождествляется с шовинизмом⁴ (который есть этноцентризм, в силу определенных причин получивший патологическое развитие и, впрочем, в таком виде, как правило, сопутствующий радикальному национализму).

Между тем, как справедливо подчеркивает Э. Геллнер, в мировой литературе сам термин «национализм» применяется «в нейтральном смысле», «для обозначения принципа, требующего, чтобы политические и этнические единицы совпадали»⁵. Вероятно, предложенное определение носит довольно общий характер, но это обусловлено многозначностью и полиморфностью национализма, который может быть рассмотрен с разных точек зрения: как идеология, форма самосознания, нравственный принцип и еще многое другое⁶. При этом следует отметить, что Геллнеру удалось довольно точно схватить самую суть национализма, поскольку он есть прежде всего именно социально-политический феномен, а остальные его аспекты (экономический⁷, идеологический, культурный, лингвистический, психологический, этический и т.д.) лишь отражают факт тотального использования в политической борьбе всех возможных ресурсов.

В соответствии с данной точкой зрения можно операционально определить **национализм как теорию и политическую практику строительства этнически гомогенного государства**. Именно такое государство принято называть национальным (разумеется, полностью гомогенным оно может быть лишь в идеале), а образовавшуюся в результате более или менее успешной гомогенизации социальную общность – нацией. Итак, проблема национализма и нации – составная часть темы взаимоотношений этноса и государства, шире – этноса и власти.

Данная обширная и сложная тема исследовалась многими отечественными и зарубежными учеными. Вместе с тем думается, что определенные результаты в исследовании феноменов национализма и нации мог бы дать подлинно антропологический, личностно-центрированный подход, основанный на рассмотрении этнической проблематики через призму понятия «человек» как центральной категории всего обществоведения, путем анализа сущностных структур личности как сложноструктурированного центра духовных актов.

Такой подход предполагает в первую очередь соответствующее понимание этничности. При этом подразумевается, что человеку объективно присуще фундаментальное свойство, которое заключается в диверсификации общечеловеческой ценностной системы в связи с вариативностью этноса. Такая диверсификация через посредничество символов проявляется в различии ценностных ориентаций и, как следствие, в разнообразии культур и конкретных «моралей». Данное атрибутивное и сущностное свойство личности можно обозначить как «объективная этничность».

В целях обеспечения диахронной и синхронной связей между носителями «объективной этничности» необходимо существование социальных общностей – этносов, скрепленных эндогамным и языковым единством, где возможны внутривоколенная межличностная бессознательно-сознательная связь и межпоколенная передача этнической информации (на бессознательном уровне через связанную с эндогамией сигнальную наследственность и на сознательном через культурно-языковую традицию). Индивиды в процессе социализации усваивают «объективную этничность» и сознательно реализуют свою этническую идентичность – «субъективную этничность».

Предложенный подход, кстати, снимает и хрестоматийное противоречие между «правами этнической группы» и «правами человека». Никаких «прав этнической группы» быть не может, есть неотъемлемое право человека на реализацию своего этнического качества. Понимание этнического как глубинной антропогенетической характеристики дает также ответ на вопрос о причинах интимного характера и высокого накала чувств, с этой характеристикой связанных. Осознание того, что каждому человеку присуща потребность ощущать себя членом этноса и полноценно реализовывать свою этничность, позволяет по-новому рассмотреть феномен национализма и попытаться переосмыслить процессы трансформации личностных идентификационных ориентиров, протекающие в ситуации нациогенеза в его различных формах.

Этнос и власть: от племени к государству

Довольно трудно дать однозначный ответ на вопрос о времени возникновения этноса – общности людей с едиными ценностными ориентациями, которые, будучи обеспеченными эндогамией и языком, даны в символах и проявляются в стиле культуры и образе жизни. По всей видимости, поскольку ценности, символы, язык, культура и образ жизни всегда были атрибутивными характеристиками человека, место этничности с самого начала не могло быть вакантным. Вместе с тем относительно реконструируемой картины родоплеменной эпохи и сохранившихся реликтов «первобытных обществ» вряд ли правомерно вести речь об «этносах» в их нынешнем понимании. Возможно, этнос как общность в родоплеменном социуме только формируется, выступая в качестве «протоэтноса»⁸.

Такие протоэтносы были нераздельно слиты со структурами, производными от иного типа социального структурирования – потестарного (дополитического)⁹, предполагавшего дискретность социосферы по поводу власти и организации. Первой потестарной системой было племя, а главной задачей этой системы – коллективный рывок человеческого «Я» за пределы круга биологической детерминации¹⁰. Единство племени скреплялось кровным родством – связью, которая, внешне будучи похожа на биологическую, на деле означала как раз революционный переход к социальности. Естественно, что тесно связанная с эндогамией и сигнальной наследственностью «протоэтничность» воспроизводилась строго в пределах племени и в то же время сама

цементировала единство данной структуры. При этом племя – не только «первая этническая общность в истории человечества»¹¹; на протяжении тысячелетий оно значило для индивида буквально все; за пределами племени не могло быть, например, брачных связей просто потому, что иноплеменники не считались в полной мере людьми. Точно так же родоплеменные структуры не являются исключительно потестарными, они скорее структуры универсальные, так как в племени были свернуты все последующие принципы социального структурирования: политический, экономический, цивилизационный, этнический, конфессиональный и т.п.

После того как человек в ходе неолитической революции сделал принципиальный шаг в своем становлении, перейдя от присвоения к производству, племя стало уступать место потестарным системам второго типа – союзу племен, а далее протогосударству как переходной форме на пути к государству. Союз племен мог объединять и разнородные племена, особенно в ходе великих переселений и завоеваний (аланский племенной союз, гунны Аттилы, монголы Чингисхана и т.п.). Однако костяк союза, как правило, представлял собой лингвогенетическое единство. Часто союзы имели весьма высокую степень этнической гомогенности (племенные объединения восточных славян в докиевский период или Союз ирокезов в Северной Америке)¹².

Около IV тыс. до н.э. произошло революционное событие в развитии социосферы: возникли политическое структурирование и государство как форма организации социальных систем в эпоху цивилизации.

Примечательно, что лишь с этого времени можно говорить и об окончательном переходе от протоэтносов к собственно этносам с выраженным этническим сознанием и фиксированным этнонимом. Почему? Возможно, дело в наличии в составе этничности двух этажей, двух слоев – бессознательного и сознательного. А развитому этническому сознанию недостаточно лишь эндогамных связей и сигнальной наследственности, его формирование и воспроизводство возможны лишь в условиях функционирования интенсивных культурно-языковых межличностных связей, диахронных и синхронных. В этой связи представляется, что существенную роль в генезисе этнических структур, как и государства, должна была сыграть письменность.

Казалось бы, связь между этносом и государством прослеживается даже в названии последнего, обычно отражающем этноним (хотя и не всегда соответствующий нынешнему населению). Однако государство вряд ли прямо коррелирует с этносом. Лишь протогосударство, не слишком далеко ушедшее от племенных образований, еще может базироваться на естественной внутриэтнической связи. Чем более развито государство, тем дальше оно отстоит от этничности как образование принудительное, предполагающее вертикальную организацию и жесткую фиксацию территориальных границ. Этнические обычаи и традиции как естественные нормы жизни племени в государстве уступают место праву – вначале обычному, а затем юридическому, имеющему характер внешнего, репрессивного принуждения.

Постепенно этнос и государство, теряющее свою племенную основу, становятся разнотипными системами социальных координат, что наиболее наглядно при обращении к территориальному аспекту (и сегодня независимых государств в мире около 200, а народов на Земле, согласно различным данным, от 3 до 5 тыс.). Строго говоря, любая страна полиэтнична, и так было на протяжении всей истории человечества.

Разумеется, государство во все времена не могло полностью игнорировать столь важную человеческую характеристику, как этничность. Все обширные полиэтнические империи создавались представителями определенного народа-завоевателя, впоследствии становившимися военно-политической элитой данной империи. Впрочем, и независимо от истории формирования государства власть всегда создает себе опору в лице одного из этносов (как правило, доминирующего) и проводит свою политику, пользуясь услугами его элиты. В этой связи, кстати, нельзя считать лишенным смысла понятие «государствообразующий этнос».

Вместе с тем в этнической легитимизации нуждается власть, а этносы самовоспроизводятся «естественным» путем, без участия государства. Традиционное госу-

дарство, корни которого исторически вырастают из протогосударства и родоплеменных структур, как правило, не вступает в принципиальный конфликт с этносом, формируя вертикальные властные связи на основе подчиненности индивида (напрямую или через общину) сакрализованному монарху – «отцу народов» и не затрагивая при этом принадлежности к этносу. Тем самым этнос и государство сосуществовали по принципу «богу – богово, а кесарю – кесарево», при этом самым очевидным показателем могущества государства считалось великое множество покоренных народов. Итак, принципиально, что докапиталистическое государство требует повиновения и подданства (от слова «дань»), но никак не особой унифицированной идентичности.

Национализм и рождение нации

Ситуация кардинально изменилась в эпоху становления капиталистического общества, когда Европа и ряд переселенческих стран претерпели своего рода «социальную мутацию»¹³, неотрывной составной частью которой явились национализм и соответственно нациогенез (оставим в стороне оценочные категории по поводу всемирно-исторической роли этой «мутации», а также вопрос о том, могут ли данные процессы считаться магистральными для всего человечества или они представляют собой «зигзаг истории»).

Определенные ростки будущего процесса зародились еще в античном «протокапиталистическом» обществе, с возникновением в греческих полисах и Римской республике демократии и гражданства, индивидуализма и частной собственности. Средневековый сословный строй несколько приглушил развитие этих ростков, однако не уничтожил их совершенно, как показывает история итальянских городов-республик, где во многом сохранялись политические, экономические и культурные традиции античности. В полную силу «мутационные» процессы развернулись, когда позднесредневековая Европа получила экономический «допинг» в виде сверхдивидендов от открытия Америки и эксплуатации негров-рабов из Африки. Составными элементами этих процессов были централизация и европейский абсолютизм, Реформация, и протестантская этика, массовое превращение бывших крестьян-землевладельцев в «лично свободных», но безземельных, нищих и бесправных людей без рода и племени, исторической и этнической памяти. В результате произошла существенная деэтнизация широких масс населения. Наиболее интенсивной она была там, где победили Реформация и протестантская этика, – в Швейцарии, Нидерландах, Англии, США (в этих странах возобладали крайняя форма протестантизма – кальвинизм в различных вариантах), во Франции (где гугеноты-кальвинисты не победили окончательно, но оказали серьезное воздействие на весь дальнейший ход истории), в странах Северной Европы (в них одержало верх лютеранство). Католические страны явно несколько «отстали» в этом плане.

Пожалуй, впервые формирующаяся нация проявила себя во второй половине XVI в. в Нидерландах, сражавшихся за свою независимость с Испанией (элементы национального самосознания, возможно, обнаружались еще столетием ранее, в ходе войн швейцарцев против бургундского герцога Карла Смелого и итальянцев против французского короля Карла VIII). В Великобритании нация впервые столь внушительно заявила о себе, подвергнув монарха национальному суду и казни от имени народа – немыслимые до того акции, которые моментально подорвали все вековые устои, на которых держалась легитимность монархии и сословности. Великая французская революция повторила «английский опыт», а затем среди кровопролитных войн дала Европе и миру, пожалуй, самый классический образец нациогенеза, отразившийся в понятии «французская нация». Война за независимость Североамериканских штатов также ознаменовала собой зарождение новой нации. Восстание в Южных Нидерландах в 1830 г. вывело на европейскую арену бельгийскую нацию. Германская и итальянская нации окончательно сформировались в огне целой череды войн – от наполеоновских до объединительных. Вообще говоря, войны середины XIX – начала

XX в. (итало-австрийская, австро-прусская, франко-прусская, обе балканские, а особенно первая мировая) сыграли исключительно важную роль в завершении формирования образа национального государства.

Идея нации пересекла океаны, реализовавшись в переселенческих обществах США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР (в части белого населения). В этих странах также имел место интенсивный нациогенез, поскольку они создавались колонистами из Англии и Нидерландов, причем за моря устремились наиболее «мутировавшие» европейцы. В ситуации антииспанских восстаний и освободительных войн идеи евронационализма взошли и в латиноамериканском обществе, однако здесь не было «утюжки» этничности Реформацией, а потому процесс формирования полиэтнических «метисных» наций оказался незавершенным (как, впрочем, и в самих Испании и Португалии).

Итак, когда общественное бытие действительно стало определять общественное сознание, частично деэтнизированные люди превратились в материал для сколачивания наций, которые, как отмечал Э. Ренан, «строятся на коллективной потере памяти»¹⁴. При этом гомогенизация была связана с насилием, войнами и революциями.

Однако чем был вызван нациогенез в капиталистическом обществе? Капитализм и либеральная демократия впервые делают человека лично свободным, оставляют его один на один со всем обществом. Власть ведет диалог уже не с сословием или общиной как единым целым, а с личностью. Чтобы получить эксклюзивную лояльность последней, буржуазное государство объективно должно сформировать у граждан унифицированную идентичность, чего требует само «европейское светское национальное государство с его знаменитой концепцией всеобщего гражданства, с его нацеленностью на устранение различий во имя однородной (часто иллюзорной) культуры, с его требованием обеспечения правовой и фискальной юрисдикции в пределах своих четко очерченных границ и исключительного контроля над применением силовых средств, а также с его основным упором на принципы прав, обязанностей и автономии личности...»¹⁵. Без усвоения перечисленных ценностей всеми гражданами система, основанная на личной свободе, просто не сможет функционировать. Поэтому становятся неизбежными нейтрализация традиционных видов идентичности, сословности и этничности и замена их новым единством, новой общностью – нацией. Именно такая общность призвана была решить возникшую с установлением демократии «острую проблему лояльности гражданина по отношению к государству и существующему строю и его идентификации с ними», о которой пишет Э. Хобсбаум¹⁶.

Так рождается нация, выступающая как «структурная форма развития капиталистического общества»¹⁷. Феномен нации настолько противоречив, что и само понятие «нация» действительно может быть воспринято лишь как «политический лозунг и средство мобилизации, а не научная категория. Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки»¹⁸. Более того, как полагает В.А. Тишков, ученые исследуют «феномен, который просто не существует», и в этой связи предлагается «забыть о нациях»¹⁹. Вместе с тем из этого призыва, вполне логичного в обстановке широкомасштабной профанации и искажения данного термина дельцами от политики, вряд ли следует; что исследователь на деле может проигнорировать объективное существование соответствующего феномена²⁰. Видимо, исторически понятие нации возникло совсем не случайно, оно имеет свой специфический смысл и отражает «нечто» в окружающей нас социальной действительности, данным понятием широко пользуются ученые и политики во всем мире. При отказе от термина сам феномен, конечно, никуда не исчезнет, однако это будет означать существенное обеднение научного лексикона – правило «бритвы Оккама» здесь вряд ли применимо. Думается, что нация все же реальна, а сложности в ее научном познании обусловлены высокой степенью идеологизации и политической ангажированности проблемы.

Так, монополия на истину со стороны «исторического материализма» в свое время даже в этнографии – науке о социокультурном многообразии – породила стадиальную концепцию экономически детерминированной единой магистрали развития человечества. Созданная в рамках формационного подхода триада «племя – народность – нация» предполагала, что нация – это «...этнические общности нового типа, складывающиеся с развитием капиталистических отношений», причинами формирования которых послужили «укрепление экономических связей между местными группами народа, слияние местных рынков в единый общий национальный рынок»². Понимание нации как «высшего типа этноса» присутствует и сегодня в употреблении терминов «нация», «национальный». Но в самом ли деле нация является этносом?

Думается, что этнос и нация – различные социальные феномены. Разница между ними наиболее четко зафиксирована Ю.М. Бородаем, вслед за Ф. Теннисом отметившим, что существуют, с одной стороны, как бы самой природой заданные «естественные общности» (*Gemeinschaft*), с другой – исторически образованные собственно социальные формы «гражданского общества», в какой-то мере сознательно сконструированные политическими и экономическими средствами (*Gesellschaft*). Согласно Ю.М. Бородаю, специфика этноса как общности первого типа заключена в том, что она основана на антропогенетических особенностях, поэтому самодостаточна и при нормальном ходе событий не нуждается в государстве. Нация же – общность второго типа, продукт государства и политико-гражданское единство, где внутренний регулятор – уже не обычай как отражение моральных ценностей в этническом сознании, а право; при этом «первый важнейший признак нации заключается в том, что она исходно, по природе своей, полиэтнична, или, точнее, – подэтнична»²². Если племя – протоэтнос, то нация – постэтнос²³.

Издѣженное выше характеризует разницу между нацией и этносом как социальными группами. Вместе с тем нация в ее личностном, антропологическом измерении требует от человека-гражданина (так же, как этнос от человека-этнофора) идентичности – поддающегося количественному измерению стремления к групповой идентификации, которая в той или иной мере определяет деятельность индивида. Следует еще раз подчеркнуть, что идентичность (*identity*) не сводится лишь к идентификации (отождествлению) с общностью (группой), а отражает внутреннюю глубину этой идентификации и силу ее индивидуального проявления. Этим национальная принадлежность как гражданственность радикально отличается от простого подданства; лишь с появлением национального государства и понятия «гражданин» можно говорить о возникновении поведенческих установок на основе патриотизма, не сводимого к этнической солидарности или личной верности монарху традиционного государства. Национальная идентичность, как и этничность (этническая идентичность), определяет поведенческие характеристики человека, тип его реакции на окружающий мир.

Тогда в чем же различие между этносом и нацией на уровне личности? Оно обусловлено разной природой этих феноменов – естественной у этноса и в определенном смысле (!) искусственной у нации. Нация в личностном аспекте и впрямь есть внедренная в сознание конструкция, «воображаемая общность» (по Б. Андерсону), наконец, «политический лозунг», становящийся однако, реальностью. Нация – это в первую очередь идея, но идея материализующаяся по мере того, как она из достояния интеллектуальной элиты превращается в идеологию масс. Пожалуй, в случае нации конструктивистские подходы гораздо более приемлемы, чем при исследовании этничности, являющейся «своего рода доопытным и более того, внеопытным принципом организации человечества» и которую «нельзя ни создать, ни разрушить искусственно»²⁴.

Объективные корни этнического лежат в бессознательных структурах самой личности, а соответствующие поведенческие установки формируются в процессе социализации «снизу» («изнутри») – от этнических систем оценки в виде априорных форм усмотрения ценностных инвариантов. Нация же базируется не на глубинных сущностных структурах личности; объект национальной идентичности лежит вне человека, в социуме. Поведенческие установки при этом формируются «сверху» («извне»), через

внедрение аксиологических аспектов гражданства в сознание бывших «подданных», становящихся «гражданами». Этничность имеет бессознательно-сознательную природу, национальная идентичность рождается и локализуется в сознании.

Различная природа идентичностных структур определяет и разные социальные роли соответствующих общностей. Этнос – преимущественно социокультурная общность; все величайшие творения человеческой культуры глубоко этничны, как не может быть внеэтнической сама культура, базирующаяся на фундаментальном ценностном комплексе человека. По словам Д.Н. Овсяннико-Куликовского, «яркость и сила этих ("национальных" в смысле "этнических". – С.Р.) черт прямо пропорциональны высоте умственного развития и степени интеллектуальной одаренности человека» и достигают высшего проявления в гениях, психика которых «всегда глубоконациональна»²⁵. В то же время нация – это сопряженная с государством социально-политическая общность, субъект политики по определению.

Концепция «государство – нация»: нациестроительство и конфликт идентичностей

Таким образом, в самом деле «именно национализм порождает нации, а не наоборот»²⁶. Ведущая же роль в генезисе нации, сколачиваемой из «мутировавшего», частично деэтнизированного «человеческого материала» принадлежит государству, которое стремится стать «национальным» и гомогенизирует общество через нациестроительство. «Кое-где существуют еще племена и народы, но не у нас, братья мои: у нас есть государства, – писал Ф. Ницше. – Государство? Что это такое? Итак, внимайте же мне теперь, ибо скажу я вам слово свое о гибели народов». Далее Ф. Ницше указывает на то, что власть фактически «душит их (народы. – С.Р.)... жует и пережевывает»²⁷. Роль государства в генезисе нации очевидна, так что прав Х. Ортега-и-Гассет: «Вовсе не природная общность расы и языка создала нацию, наоборот: национальное государство должно было бороться с множеством "рас" и "языков". Лишь после того, как эти препятствия энергично устранили, создалось относительное единообразие расы и языка, которые теперь со своей стороны укрепляли чувство единства»²⁸. Таким образом, классический европейский национализм с присущей ему моделью «гражданской», или «французской», нации, несомненно, описывается концепцией «государство–нация».

Следует отметить, что евронационализм получил устойчивое определение «гражданский», которое, однако, вряд ли бесспорно. Тем более сомнительно нередко встречающееся радикальное противопоставление «гражданского» и «этнического» национализма как различных по сути явлений.

На первый взгляд кажется, что действительно существуют два противоположных способа реализации требования «совпадения политических и этнических единиц»: 1) перестройка этнической структуры общества с приведением ее в соответствие с политической – якобы «гражданский» национализм («евронационализм»); 2) подстройка политической структуры под этническую картину, воспринимаемую в качестве естественной данности, – «этнический» национализм («этнонационализм»). Однако на деле указанные способы оказываются лишь разными сторонами единого процесса создания национального государства, причем они могут выступать (чаще всего именно так и бывает) просто как последовательные этапы нациестроительства.

Это связано с тем, что «гражданская» нация не может быть построена на пустом месте в стиле игры в детский конструктор, как это иногда представляется: «Националисты и их последователи собирают различные ингредиенты нации – историю, символы, мифы, язык – и готовят своего рода "завтрак туриста". Таким образом, современная нация – сложный артефакт, образованный благодаря соединению элементов из огромного разнообразия культурных источников»²⁹. Действительно, когда бывший подданный становится гражданином, а его гражданственность вырастает из подданства, которое само по себе идентичностью не является, у человека возникает совершенно новый вид идентичности, места для которого в идентификационной

матрице личности (структурно организованном наборе принадлежностей индивида – общечеловеческой, гендерной, расовой, конфессиональной, этнической, профессиональной и т.д.)³⁰ уже нет. Но тем самым национальная идентичность с самого начала выступает лишь как форма, которую необходимо наполнить содержанием в виде какой-либо более привычной и естественной, традиционной идентичности. Теоретически такой может стать и конфессиональная идентичность, однако конфессии еще хуже, чем даже этносы, коррелируются с политическими единицами. В этой связи любые якобы «общегражданские» ценности всегда на поверку оказываются ценностями государствообразующего этноса (пусть несколько выхолащенными или закамуфлированными), что в той же Европе стало возможным только в результате сложения определенных объективных исторических условий, приведших к «зачистке этничности» и аккультурации. Да и в США так называемые американские ценности выстроены на основе ценностной системы группы W.A.S.P., но никак не индейцев или эскимосов.

Именно здесь и заложена основа для возникновения принципиального противоречия между политическим и этническим структурированием общества в эпоху национального государства. Территориальная невместимость этнических структур в государственные границы – лишь условие для возникновения данного противоречия, а его генетическая причина связана как с нациогенезом, так и с нацистроительством, которое фактически оборачивается ассимиляцией. Эта характерная для современного общества проблема и есть пресловутый «национальный вопрос», который, наверное, действительно «невозможно решить раз и навсегда»³¹. На личностном уровне указанное противоречие просматривается в коллизии, которую можно обозначить как «**конфликт идентичностей**».

Анатомия этого конфликта представляется следующей. Культивирование западных демократических институтов сопровождается настойчивым внедрением в массовое сознание идеи нации. Постепенно в идентификационной матрице личности резервируется место для национальной идентичности, которое, однако, необходимо еще наполнить реальным содержанием. На роль национальной идентичности претендует усиленно навязываемая властями «гражданская» идентичность, фактически являющаяся этнической идентичностью государствообразующего этноса. Вместе с тем, невзирая на интенсивное нацистроительство, идентичность этнических меньшинств деформируется, но не может быть полностью вытравлена. Попытки деэтнизации и аккультурации неизбежно сталкиваются с мощным противодействием. Люди же фактически становятся маргиналами, оказываясь в неопределенном состоянии между принадлежностями к своему этносу и к строящейся нации. У них резко повышается уровень аффилиации, они стремятся во что бы то ни стало выйти из ситуации отчуждения и обрести достойный социальный статус, что нередко приводит к беспокойству, девиантному поведению, радикализму в решениях, а также к невиданным агрессивности и жестокости (душевное бремя маргинальности весьма нелегкое!). Активизируется своеобразный механизм этнического самосохранения – этническая мобилизация, резко нарастает уровень этнического сознания; в этих условиях политика нацистроительства однозначно воспринимается как ассимиляция и этноцид. «Там, где еще существует народ, – писал Ф. Ницше, – не понимает он государства и ненавидит его как дурной глаз и посягательство на исконные права и обычаи»³². В ходе внутриличностной коллизии происходит накопление **потенциала этнической деструктивности**.

Конфликт идентичностей создает новую ситуацию, когда гипертрофированная этничность меньшинств политизируется и мобилизуется в собственных интересах политиками и идеологами. Таким образом у этничности возникает политическая функция, этнос выходит в политическую плоскость и становится субъектом политики, что, в общем-то, не вытекает из самой природы этнического, так как «этнический фактор сам по себе политически нейтрален и не обладает изначально заданной политической направленностью»³³. Можно полагать, что новое качество появляется как ответ на вызов нацистроительства.

Ответ оказывается весьма мощным. Этничность уходит своими корнями в подсознательные пласты психики, отвечающие за разделение человечества на «Мы» и «Они», а потому импульс нетерпимости намного сильнее импульса толерантности: «Всякий раз, когда национальный инстинкт вступает в конфликт с интернациональным сознанием, он демонстрирует значительно большую силу»³⁴. Именно поэтому этническая мобилизация – практически беспроигрышный вариант для политического деятеля; по словам К. Поппера, «это самый дешевый и надежный способ, с помощью которого может продвинуться политик, которому нечего больше предложить»³⁵.

Концепция «нация – государство»: сепаратизм и этнократия

Так возникает идеология, предполагающая качественно иное видение социальной действительности и лишаящая легитимности национальное государство, его границы и институты. Эта идеология и соответствующая ей политика получила название «этнический национализм» («этнонационализм»). В.А. Тишков определяет этнонационализм «как доктрину и политическую практику, основанную на понимании нации как формы этнической общности, обладающей членством на базе глубоких исторических и других объективных характеристик, и проистекающем из этого коллективного членства праве обладания государственностью, включая его институты, ресурсы и культурную систему»³⁶. Как утверждали еще в 1988 г. идеологи «эстонского возрождения», «...нация – не только этнокультурная общность, у нее широкие интересы во всех сферах, в том числе экономике, политике; защищать и реализовывать их можно только с помощью государственности»³⁷.

Этнический национализм стартовал на политической арене еще в XIX в., и первыми его достаточно зрелыми проявлениями можно считать польский сепаратизм в Российской империи, а также объединение Германии и Италии, с этническим характером которого связано происхождение термина «германская нация» (или этнонация). После второй мировой войны распались на национальные государства Австро-Венгрия, Османская империя и Россия (в последней, впрочем, вскоре произошла реинтеграция).

Однако подлинный всплеск этнонационализма, так называемый этнический ренессанс второй половины XX столетия, связан с попыткой повторить опыт евронационализма в контексте модернизации «восточных обществ» путем культивирования в них западной вариации на тему «общечеловеческих» (на деле лишь англо-протестантских) ценностей и настойчивого националистического строительства. Эта попытка была заранее подготовлена тем, что почти все неевропейские страны ранее являлись колониями или полуколониями европейских государств. Колонизаторы же упорно пытались привить колонизируемым ценности гражданского общества, прав личности и частной собственности, большей частью порождая лишь «ситуацию взаимного непонимания» ввиду «различия личностных структур» европейцев и колонизируемых³⁸ (быть может, в соответствии с остроумным замечанием Г. Лебона, навязывать другим народам свои формы общественной жизни столь же резонно, «как стараться убедить рыб жить на воздухе на том только основании, что воздушным дыханием пользуются все высшие животные»³⁹).

После второй мировой войны началось массовое освобождение бывших колоний, при этом границы новых государств нередко совпадали с границами, произвольно проведенными колонизаторами (наиболее яркий пример – Африка). В таких искусственных политических образованиях правительства решили создать свои нации, поскольку образец западной цивилизации и ее демократических ценностей находился вне критики, а западная система без нации немыслима. «Национальное строительство» и «национальная интеграция» стали святыми обязанностями новых государств; их реализация открывала путь к «развитию» и «современности». Обретенный (или находящийся в стадии обретения) статус нации в такой же мере был признаком суверенитета, как флаг, членство в ООН или армия⁴⁰. Но при этом «телега оказалась впереди лошади»: евроамериканская демократия стала в свое время возможной только

после исторически обусловленной частичной деэтнизации, молодые же государства вначале скопировали демократические институты, а затем принялись за деэтнизацию своих подданных в процессе нацистроительства.

В первое время, в 1950–1960-е годы, национальное строительство сопровождалось эйфорией. В этой связи был весьма показателен, например, энтузиазм Д. Неру по поводу «открытия Индии». Однако очень скоро в большинстве стран Азии, Африки, да и Латинской Америки политика властей столкнулась с ответной волной энического национализма, причем это случилось даже там, где новые государственные образования возникли отнюдь не на пустом месте и потому с гораздо большим основанием могли претендовать на статус «национальных государств», например в той же Индии или в шахском Иране⁴¹. В этой связи, в частности, Л. Пай справедливо подчеркнул, что модернизация во многих случаях не ведет к желанному общественному прогрессу, а «может вызывать широкий спектр очень глубоких разрушительных реакций, грозящих нарушением идентичности индивидов»⁴².

Для этнонационалиста «гражданская» принадлежность подменяется гипертрофированной этнической идентичностью, выступающей в роли национальной. Так рождается этнонация – своего рода суррогат классической евронации, политизированный этнос, сопряженный с государственными структурами.

Как отмечает Д. Ротшильд, «политизированная этничность» несет в себе угрозу общественным институтам и государству в целом⁴³. Действительно, в полиэтническом обществе активность этнонационалистов объективно нацелена на сецессию и межэтнические конфликты. Существование «пандемониума» агрессивной политизированной этничности (по Д. Мойнихану) обусловлена тем, что полиэтническая государственная система не вписывается в ключевой принцип этнонационализма «одна нация – одно государство». Поэтому и возникают центробежные процессы, объективно ведущие такую систему к распаду. «Образование национальных государств... – писал В.И. Ленин, – является... тенденцией (стремлением) вечно национального движения»⁴⁴.

При этом, что важно и принципиально, данное стремление находит свое объяснение далеко не только в своекорыстных интересах конкретных политиков и даже не только во властных и экономических интересах этнических элит, рвущихся к рычагам распределения ресурсов. Все перечисленное, безусловно, имеет место. Однако упорная нацеленность этнонационализма именно на создание «собственного» государства имеет, по видимому, и причины, связанные с насущными потребностями самого этноса в современных условиях. С наступлением эпохи капитализма, промышленности, общемировых коммуникаций, демократии и личной свободы, всеобщего образования и средств массовой информации этническое самовыражение человека не может уже ограничиваться традиционными сельско-фольклорными способами передачи межпоколенной этнической информации. Угроза деэтнизации и ассимиляции, идущая от унифицированной системы образования и контролируемых государствообразующим этносом масс-медиа, вызывает необходимость в этнических школах и СМИ, а все это действительно может обеспечить только «своя» государственность (или хотя бы автономия).

Процесс разрушения полиэтнического государства юридически фундируется на лозунге о праве наций на самоопределение. Характерно, что творцами этой идеи нация понималась исключительно в европейском, классическом смысле (такое понимание отразилось в названии международного сообщества государств – Лига Наций, затем Организация Объединенных Наций). Интересно признание одного из авторов лозунга – президента США В. Вильсона: «Когда я произносил эти слова (что все нации имеют право на самоопределение), я произносил их, не зная о том, что существуют национальности, которые приходят к нам день за днем... Вы не знаете и не можете себе представить те переживания, которые я испытываю в результате того, что у многих миллионов человек мои слова пробудили надежды»⁴⁵.

Чрезвычайная сложность проблемы самоопределения привела к возникновению вопросов, не решенных до сего дня. Как отмечает М.Н. Губогло, практически нераз-

решимо юридическое противоречие между принципами самоопределения и территориальной целостности⁴⁶, одновременно провозглашенными соответственно в ст. 1 и ст. 6 «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам» ООН. По мнению Ф. Паркинсона, сегодня Декларация уже превратилась в явный и вредный анахронизм⁴⁷. А поскольку самоопределение одного народа может происходить лишь за счет ущемления прав остальных, Э. Хобсбаум подчеркивает, что «создание однородного национального государства представляет собой цель, которую могут осуществить только варвары или, по крайней мере, только варварскими средствами»⁴⁸.

Однако приверженцы концепции этнонационализма сомнений в этом сложном вопросе не имеют: «Право наций (читай: «этносов». – С.Р.) на самоопределение есть абсолют. Если народ решил взять свою судьбу в собственные руки, ничто, включая насилие, не сможет повернуть этот процесс вспять»⁴⁹. В результате политический облик этничности сегодня, к сожалению, определяется целым «букетом» таких социальных феноменов на почве этнической деструктивности, как этнический радикализм, этносепаратизм и унионизм (в том числе ирредентизм), экстремизм и терроризм. По словам Э. Смита, «национализм» – это одна из самых могущественных и взрывных сил современного мира⁵⁰, к рубежу III тыс. н.э. существенно осложнившая функционирование социосферы. Число погибших лишь в некоторых из этнических войн: Турецкий Курдистан – свыше 26 тыс., Шри-Ланка – более 35 тыс., Сьерра-Леоне – около 100 тыс., Филиппины (о-в Минданао) – свыше 120 тыс., Либерия – более 150 тыс., Босния и Герцеговина – ок. 200 тыс., Сомали – более 350 тыс., Ангола – свыше 500 тыс., Судан – более 1 млн., Афганистан – свыше 1 млн. А в войне между тутси и хуту в Руанде только за 3 месяца 1994 г. погибло более 1 млн. чел. (при населении 8,6 млн. чел.)⁵¹.

Волна «этнического ренессанса» с середины 1980-х годов захлестнула и нашу страну: Якутск, Алма-Ата, Нагорный Карабах, Сумгаит, Тбилиси, Баку, Прибалтика, Фергана, Ош, Таджикистан, Южная Осетия, Приднестровье, Крым, Северная Осетия, Чечня... Не случайно «национальный вопрос» выступил в качестве решающей силы, разрушившей полиэтничный Советский Союз, руководство которого в течение десятков лет проводило амбивалентную национальную политику, одной рукой строя «гражданскую» нацию под названием «советский народ», а другой – возвращая этнический национализм на окраинах через искусственное «развитие народностей в социалистические нации» со «своей» государственностью. В частности, Э. Хобсбаум вполне обоснованно утверждает, что «коммунистический режим принял сознательно и целенаправленно создавать этнолингвистические территориальные "национально-административные единицы" (т.е. "нации" в современном смысле), – создавать там, где прежде они не существовали или где о них никто всерьез не помышлял, например, у мусульман Средней Азии или белорусов»⁵². В результате «...парадоксально и вопреки ожиданиям коммунистов и большинства западных наблюдателей, в Советском Союзе образовались новые нации, более сильные и более сплоченные, чем исторические этнические сообщества, на основе которых они возникли»⁵³. Все это привело к росту латентного потенциала этнической деструктивности. В ходе и после распада СССР произошел выброс этого потенциала, чему в немалой степени способствовала «национальная политика» уже в постсоветских государствах (оторванные от реалий попытки строительства виртуальной гражданской нации «россиян» в Российской Федерации и откровенный, практически официальный этнонационализм в бывших союзных и автономных республиках).

Нужно учитывать также, что этнический национализм – сегодня явление поистине всемирное, в том числе характерное и для западных обществ. Это связано с тем, что гомогенный социум может быть только желаемой тенденцией, а нация должна в принципе рассматриваться не как завершенное состояние, а как процесс движения социума к идеальному образу гражданского единства. В составе французской нации продолжают существовать бретонцы, баски, провансалцы, корсиканцы, а британской –

шотландцы, валлийцы. Постоянно напоминают о себе экстремизм в Ольстере и Стране Басков, трения между фламандцами и валлонами в Бельгии, противостояние франко- и англоканадцев. Американская же концепция «плавильного тигля» не реализовалась и в самих США, являющихся ареной острых межэтнических и межрасовых противоречий⁵⁴.

Существует мнение, что этнонационализм отражает уже нечто большее, нежели просто конфликт между этносом и государством: возможно, имеет место своего рода отторжение европейской модели всей социосферой. На это, в частности, указывает Дж. Комарофф, считающий процессы «глобализации» и «этнизации» двумя сторонами единой силы, которая как бы «сверху» и «снизу» подтачивает национальное государство и на наших глазах разрушает его⁵⁵.

Итак, если «гражданский» национализм описывается концепцией «государство-нация», то для открытого этнического национализма последовательность противоположная: «нация-государство».

Но следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на кажущуюся противоположность, «два национализма» – лишь разные стороны одной медали. И это, пожалуй, один из наиболее серьезных уроков современности. В этом плане интересны выводы В.П. Торукало, которая, совершенно верно обращая внимание на государство как на решающий индикатор для разведения нации и «других социально-этнических общностей людей», отмечает: «В ходе исторического становления нации и государства их возникновение и развитие шло одновременно, параллельно, вместе... Поэтому и концепции жесткого исторического предшествования: «нация-государство» или «государство-нация» неприемлемы и от них надо отказаться»⁵⁶ (разумеется, государство как таковое моложе нации по крайней мере на 4,5–5 тыс. лет, так что речь в данном случае идет исключительно о национальном государстве).

В самом деле, этнонация – это еще не нация, а вышедший в политику этнос, среди политической элиты которого возникла и материализуется идея нации. Претворить в жизнь эту идею можно лишь одним способом – предварительно создав «свою» государственность. Причем в случае успеха еще недавно сам стремившийся к сепаратизму этнос стремится гомогенизировать «собственное» государство и не допустить в нем сепаратизма. С этой целью в обществе устанавливается политический режим этнократии: «Такой тип государства строится на основе этнонационалистической концепции, согласно которой государство создается одним, доминирующим на данной территории, наиболее многочисленным, "историческим", "культурным" и т.п. этносом. Права других этнических групп могут формально признаваться, но тем не менее эти этнические группы рассматриваются как "гости", по отношению к которым "государственный" этнос может вести толерантную политику только при условии выполнения ряда его требований. Данная концепция в явной или скрытой форме воплощается в законодательстве и административной практике, решающим образом определяя атмосферу каждодневной жизни индивидов, принадлежащих к различным этническим группам, даже если формально им предоставляется право гражданства. В силу такого подхода эти «негосударственные» этносы ставятся в положение "подозреваемых", вынужденных постоянно доказывать свою "лояльность"⁵⁷. Характерно, что возникает настоящая «цепная реакция» – так, например, вначале Грузия стремится выйти из состава СССР, потом уже само тбилисское руководство ведет борьбу с сепаратизмом в Абхазии, Южной Осетии, Аджарии и т.д., а затем власти освободившейся Абхазии пытаются построить «чисто абхазское» общество, изгоняют грузин и начинают притеснять русских и армян... В итоге между этнократией и нацистроительством не обнаруживается принципиальной разницы: в обоих случаях речь идет об этнической гомогенизации с использованием возможностей государства. Имеет смысл говорить лишь о степени жесткости государственной политики и о том, каким идеологическим «соусом» она заправляется. Политический же ярлык можно навесить любой, с полным основанием называя одно и то же явление «нацистроительством», «этнократией» или даже «фашизмом», только суть его от этого не изменяется.

Таким образом, фактическое единство националистических процессов дает мало оснований к постулированию двух типов наций: «нации как согражданства» и «нации как этноса»⁵⁸.

* * *

Похоже, что «постмутационный» мир начинает жить по законам этнонационализма и этнократии, повсюду этнонации стремятся к суверенизации и обретению «собственной» государственности. Существование полиэтнических государств становится весьма проблематичным. В этой связи заслуживает определенного внимания и достаточно жесткий тезис А. Рабушка и К. Шепсли о том, что демократизация полиэтнического общества по западному образцу принципиально невозможна, поскольку демократия предполагает предварительное установление гомогенности общества совершенно недемократическими средствами⁵⁹ (что и произошло в ряде стран Запада).

Однако реальная оценка ситуации не должна вести к пессимизму и признанию неизбежности распада России на этнократические «княжества»; более того, есть основания для оптимизма и в отношении реинтеграции бывших республик СССР. Например, та же Индия сумела достичь относительной этнополитической стабильности, невзирая на исключительную этноконфессиональную мозаичность, превосходящую и российский показатель. Кроме того, фактор этничности, как это ни парадоксально, может быть и обстоятельством, способствующим формированию и стабильному существованию полиэтнического государства (характерно, что за 70 лет в Югославии на основе этнолингвистической близости возникла и достаточно широко распространилась самоидентификация «югослав»). Большие интегрирующие возможности предоставляет также использование конфессионального фактора. Одним словом, от «нациестроительства» следует обратиться, если допустимо так выразиться, к «нациискательству». Кроме того, довольно перспективными, по крайней мере в теоретическом плане, выглядят проекты «выведения этноса из политики» путем разнесения полномочий с уровня субъектов Российской Федерации одновременно на более высокий и более низкий уровни (речь идет об идее укрупнения регионов по границам экономического районирования и об одновременном укреплении местного самоуправления).

Да, предлагаемые «нациестроителями» рецепты «вытеснения этничности гражданственностью» смотрятся вполне респектабельно, но только если однозначно придерживаться известной научной позиции: «Понимание этничности как социального конструкта и символического капитала предоставляет больше возможности вмешательства и посредничества в отношениях между и внутри этнических общностей путем такого же символического действия, чем это могут те, "кто воспринимает этничность в натуралистических терминах, считая "этнос" (подобно "эросу" и "танатосу") глубокими структурными параметрами сознания, или – в сущностных терминах»⁶⁰. А почему бы и не воспринимать этничность в «натуралистических» или «сущностных» терминах, если это вернее отражает ее суть? В свою очередь эффективны ли, да и допустимы ли в принципе «вмешательство и посредничество путем символического действия», если речь идет о фундаментальном человеческом свойстве? Вот в чем вопрос.

Примечания

¹ См.: Чешко С.В. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. М., 1996.

² Foreign Affairs. 1975. V. 53. № 3. P. 443.

³ Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтнических государствах: матер. междунар. конф. 1993 г. М., 1994. С. 36.

⁴ Например: «Национализм – это идеология, психология, социальная практика, мировоззрение и политика подчинения одних наций другим, проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигания национальной вражды, недоверия и конфликтов» (Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 195.).

⁵ См.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 5, 24.

⁶ См.: Кисс Э. Национализм реальный и идеальный. Этническая политика и политические процессы // Этничность и власть в полиэтничных государствах. С. 136–137.

⁷ Об актуальности и проявлениях экономического национализма в современной России см.: Дробинская Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. М. 204–249.

⁸ О понятии «протозтнос» см.: Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1997. № 3. С. 27, 28; концепцию трансформации кровнородственных связей в этнические см.: Van den Berghe P.L. Race and Ethnicity: A Sociobiological Perspective // Ethnic and Racial Studies. 1978. V. 1. P. 401–411; *idem*. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1981.

⁹ О генезисе сложного феномена власти и о постэтарных системах см., напр.: Потестарность: генезис и эволюция. СПб., 1997.

¹⁰ Процесс отрыва человека от животного мира, осознание им своего качественного отличия от биологически детерминированной живой природы был слишком длительным и болезненным, причем пролонгированным на достаточно развитое общество. См.: Фрейд З. Тотем и табу // «Я» и «Оно»: Труды разных лет. В 2 т. Т. 2. Тбилиси, 1991. С. 193–350; Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки: Предисловие к Рихарду Вагнеру // Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 57–157; Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М., 1989; Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 7–182.

¹¹ Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991. С. 57.

¹² Согласно мнению, высказанному Н.Н. Чебоксаровым, в родоплеменную эпоху основным этническим таксономическим единицам соответствовали именно союзы племен, объединявшие отдельные генетически родственные племена (последние в свою очередь соответствовали субэтносам). См.: Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1985. С. 69–73.

¹³ Парадигма «социальной мутации» предложена Л.С. Васильевым. См.: Васильев Л.С. История Востока. В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 16–19.

¹⁴ Цит. по: Кисс Э. Указ. раб. С. 170.

¹⁵ Комарофф Дж. Указ. раб. С. 53.

¹⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 131.

¹⁷ См.: Торукало В.П. Нация: история и современность. М., 1996. С. 73, 84.

¹⁸ Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 640.

¹⁹ См.: Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // ЭО. 1998. № 5. С. 24.

²⁰ Так, хотя в другой программной статье В.А. Тишкова присутствует аналогичное предложение отказаться от термина «нация» (см.: Тишков В.А. Что есть Россия? (перспективы нациестроительства) // Вопр. философии. 1995. № 2. С. 13–14), однако здесь же утверждается, что «...важнейшая и необходимая инновация политического символизма – это понятие российской нации» (с. 10), а также говорится о целесообразности введения нового определения «гражданской» нации «как официальной и, возможно, правовой категории» (с. 16.) В другой работе В.А. Тишков дает и дефиницию нации: «В мировой науке и практике нации понимаются как согражданства, т.е. сложное по этническому, религиозному и расовому составу население, объединенное едиными территорией, гражданством и государственностью» (см.: Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации: Доклад на заседании Президиума РАН 23 февраля 1993 г. М., 1993. С. 60).

²¹ См.: Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Указ. раб. С. 77.

²² См.: Бородай Ю.М. Указ. раб. С. 315–318.

²³ См.: Заринов И.Ю. Указ. раб. С. 28.

²⁴ Чешко С.В. Человек и этничность // ЭО. 1994. № 6. С. 45.

²⁵ Овсянко-Куликовский Д.Н. Психология национальности. Пг., 1922. С. 5–6.

²⁶ Геллнер Э. Указ. раб. С. 127.

²⁷ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. М., 1990. С. 41, 42.

²⁸ Ортега-и-Гасетт Х. Восстание масс // Вопр. философии. 1989. № 4. С. 145.

²⁹ Smith A. Gastronomy of Geology? The Role of Nationalism in the Reconstruction of nations // Nations and Nationalism. 1995. V. 1. Pt. 1. № 3. P. 4–5.

³⁰ О концепции идентификационной матрицы см.: Moscovici S. The Phenomena of Social Representation // Social Representations. Cambridge, 1984. P. 3–69.

³¹ Национальная политика России: история и современность. С. 435.

³² Ницше Ф. Указ. раб. С. 42.

³³ Иванов В.Н., Котов А.П., Ладодо И.В., Назаров М.М. Национальные отношения в регионах России (Результаты социологических исследований) // Этнополитический вестн. 1995. № 2. С. 114.

³⁴ New Left Review. 1977. № 105. P. 35.

- ³⁵ *Попнер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 357.
- ³⁶ *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. С. 33.
- ³⁷ Сов. Эстония. 1988. 2 февр.
- ³⁸ См.: *Mannoni O.* Prospero and Colibian: The Psychology of Colonisation. N.Y., 1957. P. 31, 23; о «ситуации взаимного непонимания» и явлении культурной и цивилизационной аномии см. также *Dettmar E.* Rassismus, Vorurteile, Kommunikation: Afrikanisch-Europäische Begegnung in Hamburg. Berlin; Hamburg, 1989. S. 82–150.
- ³⁹ *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 64.
- ⁴⁰ *Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах. С. 93.
- ⁴¹ В частности, по Ирану см.: *Жигалина О.И.* Этносоциальная эволюция иранского общества. М., 1996. С. 74–139.
- ⁴² *Pye L.* Politics, Personality and National Bilding: Burma's Search for Identity. New Haven; London, 1962. P. 287.
- ⁴³ Цит. по: *Котанджян Г.С.* Этнополитология консенсуса – конфликта: Цивилизационный аспект национальной безопасности. М., 1992. С. 19.
- ⁴⁴ *Ленин В.И.* Тезисы реферата по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 385.
- ⁴⁵ Цит. по: *Янг К.* Указ. раб. С. 110.
- ⁴⁶ См.: *Губогло М.Н.* Три линии национальной политики в посткоммунистической России // ЭО. 1995. № 5. С. 110.
- ⁴⁷ См.: *Parkinson F.* Ethnicity and Independent Statehood // States in Changing World. Oxford, 1993. P. 326, 339.
- ⁴⁸ *Хобсбаум Э.* Указ. раб. С. 212. В этой связи Д. Горовиц указывает на то, что национальное самоопределение является проблемой, а не ее решением. См.: *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkley, 1985.
- ⁴⁹ *Тер-Петросян Л.* Интервью // Комсомольская правда. 1991. 6 июля.
- ⁵⁰ *Smith A.* Nationalism: A Trend Report and Bibliography. The Hague, 1973. P. 7.
- ⁵¹ См.: Зарубеж. воен. обозрение. 1992. № 3–5; 1993. № 1; 1995. № 3, 7, 10; 1996. № 6, 9; 1997. № 1–3, 9; 1998. № 2. Вряд ли можно согласиться с Э. Хобсбаумом в том, что «национализм... исторически стал менее важным» (см.: *Хобсбаум Э.* Указ. раб. С. 302).
- ⁵² *Хобсбаум Э.* Указ. раб. С. 253–254.
- ⁵³ *Манугян А., Суни Р.* Советский Союз: национализм и внешний мир // Обществ. науки и современность. 1991. № 3. С. 107.
- ⁵⁴ См., напр.: *Глейзер Н.* Мультиэтнические общества: проблемы демографического, религиозного и культурного многообразия // ЭО. 1998. № 6. С. 98–104.
- ⁵⁵ См.: *Комарофф Дж.* Указ. раб. С. 44–53.
- ⁵⁶ См.: *Торукало В.П.* Указ. раб. С. 88, 113.
- ⁵⁷ *Ожиганов Э.Н.* Факторы и динамика этнополитического конфликта // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского общества: Матер. междунар. симпоз. 12–14 января 1996 г. Вып. 3. М., 1996. С. 224.
- ⁵⁸ О двух типах наций см.: *Абдулатипов Р.Г.* Нации на распутье: опасные заблуждения оракулов национализма // Национальная политика России: история и современность. С. 565.
- ⁵⁹ См.: *Rubushka A., Shepsle K.* Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability. Columbus, 1972.
- ⁶⁰ *Тишков В.А.* Что есть Россия? (перспективы нацистроительства). С. 9. (Цит. по: *Smith M.* Postmodernism, Urban Ethnography and the New Social Space of Ethnic Identity // Theory and Society. 1992. V. 21. P. 526.)

S.E. Rybako v. Nationalism and nation

In spite of the extensive publications on nationalism, the author points out, this complex and involved phenomenon cannot be seen as having been understood fully and completely. He is of the opinion that some results in studying the phenomena of nationalism and the nation could be secured by an anthropological person-oriented approach based on considering ethnic themes in the light of the notion of «man» as the central category of social science.

The article analyzes such most urgent matters as ethnos, nation-building, power and others.